

ПУТИ И БЕЗДОРОЖЬЕ РОССИИ ПРИ Б.Н. ЕЛЬЦИНЕ

С.Ф. ГРЕБЕНИЧЕНКО

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10-1

Статья посвящена анализу показателей опросов общественного мнения, отражающих экономические и социальные перемены России при Б.Н. Ельцине. Путем сочетания методов исторической науки и математической статистики выявляются и обосновываются объективные факторы и альтернативы неоднозначного развития России в 1990-е гг.

В постсоветский период при Б.Н. Ельцине Россия ввергла себя в бурный поток перемен. Перемены отслеживал мониторинг. Мониторинг все 1990-е гг. проводил легендарный ВЦИОМ. ВЦИОМ творчески разрабатывал данные. Данные выстраивали во временные ряды. Ряды частично публиковал специальный бюллетень¹. Бюллетень и банк социологических данных ВЦИОМ являются ценнейшими источниками информации об «исторической сажени» российской модели перемен 1990-х гг.

Попытаемся повторно использовать опубликованные и не публиковавшиеся в бюллетене ВЦИОМ динамические показатели опросов общественного мнения, отражающие экономические и социальные перемены в целях многомерного анализа эволюции «ельцинской» России. Применение к ним специального математико-статистического метода (главных компонент) позволило выявить пять объективных факторов траектории движения страны в 1990-е гг. (табл. 1).

Первый по реальной значимости фактор эволюции был отнюдь не экономической, а социально-психологической природы – традиции национальной веры в «лучшее завтра». Фактор устойчиво определял 36 % воспринимаемых тогда обществом реформ и изменений на протяжении практически десятилетия. Безусловно, традиции такого рода веры не складываются в одночасье. Они в XX в., очевидно, выкристаллизовывались долгие годы. После Октября 1917 г. народ упорно приучали переживать «временные» трудности и ждать «лучшей жизни» как главного плода победоносной «пролетарской» революции. Потом приучали переживать опять же «временные» трудности и упорно ждать «плодов» индустриализации и коллективизации; затем «плодов» выхода из разрухи войны; затем скорых «плодов» близящегося коммунизма; затем материального изобилия и иных «плодов» в связи с победой демократии и рынка над тоталитаризмом и распределительной системой. За долгие годы надежд, так и не реализовавшихся в полной мере, потенциал национальной веры в «лучшее завтра» все же не исчерпал себя, поскольку традиции этой фатальной веры и в новейшей истории России более чем на треть объективно обуславливали саму возможность, да и характер хода экономических и социальных перемен.

Между тем массовая вера в «лучшее завтра» не находилась на постоянном уровне, воочию имела вполне объяснимые взлеты и падения. Так, с 1993 г. до июня

1995 г. эта вера, проявляя некоторые «сезонные» колебания, характеризовалась явной тенденцией к снижению. Народ все глубже исчерпывал внутренний запас

Таблица 1. Факторы экономических и социальных перемен России в 1990-е гг.²

Факторы и зависимые показатели	Вклады факторов
I фактор. Традиции национальной веры в «лучшее завтра» (36,2 % объясняемой дисперсии)	
Экономический оптимизм населения на ближайшие месяцы	0,92
Политический оптимизм населения на ближайшие месяцы	0,89
Социальная база реформ («сторонники» / «противники» продолжения реформ)	0,83
Оценки населением экономического положения в стране	0,74
II фактор. Влияние политической оппозиции на официальный курс (17,4 % дисперсии)	
Доверие политической деятельности Явлинского	0,93
Доверие стилю руководства Лужкова	-0,85
Доверие политической деятельности Зюганова	0,80
Доверие государственному курсу Ельцина	0,48
Возможность массовых протестов против роста цен и падения уровня жизни	-0,46
III фактор. Иммунитет народа к экономическим катаклизмам (12,1 % дисперсии)	
«Запас прочности» населения (отношение суммы позиций «жить можно» и «можно терпеть» к позиции «терпеть нельзя»)	0,91
Возможность массовых протестов против роста цен и падения уровня жизни	-0,79
Доля населения, индивидуально принявшего решение «однозначно протестовать»	-0,77
Повседневное настроение людей (отношение суммы самооценок настроения «прекрасное» и «нормальное, ровное» к сумме самооценок «испытываю раздражение» и «испытываю страх»)	0,42
IV фактор. Народнохозяйственная и реформаторская роль потребителя (9,6 % дисперсии)	
Доля сторонников продолжения реформ	0,89
Доля сторонников прекращения реформ	-0,86
Текущее материальное положение семей	0,80
Индекс потребительских настроений	0,74
V фактор. Потребность в авторитарном руководстве экономикой (6,7 % дисперсии)	
Доверие политической деятельности и стилю руководства Лебеда	0,87
Доверие государственному политическому курсу Ельцина	0,53
Экономический оптимизм населения на ближайшие месяцы	0,39
Доверие политической деятельности Зюганова	0,38
Повседневное настроение людей (отношение суммы самооценок настроения «прекрасное» и «нормальное, ровное» к сумме самооценок «испытываю раздражение» и «испытываю страх»)	0,24

надежд на скорое улучшение параднохозяйственных условий и укрепление потенциала развития страны (см. рис. 1). С июля 1995 г. на волне раскручиваемой спирали выборной президентской кампании, в обстоятельствах невиданных политических обещаний, новых и новых экономических прожектов и, разумеется, неподволь рождавшихся социальных ожиданий, вера в «лучшее завтра» начала расти в геометрической прогрессии. Однако уже с середины сентября 1996 г. она стала еще более стремительно падать. Для части населения падение совсем недавних, казалось бы, уверешности и оптимизма объяснимо тем, что в «президентской гонке» победил не столь желанный, и стало быть, ещё четыре года для значительной части россиян предстояло «мириться» с уже знакомой по прежнему периоду «льдиной» моделью стратегического развития России. Для другой же части общества в считанные месяцы (октябрь 1996 г. – март 1997 г.) оказалось совершенно ясным то, ранее не очевидное, что «лучшего завтра» пока не предвидится. Вначале два этапа болезни первого лица – вновь избранного Ельцина, «раздрай» и «разбег по сторонам» команды, обеспечившей его победу в выборах, «заморозка» вертикали управления, отсутствие даже намеков на ближайшую реализацию ключевых экономических пунктов заявленной в период выборов программы, короче говоря, стратегическая потеря времени и темпов возможных инноваций. С апреля по декабрь 1997 г. вновь обнаружилась себя массовая тенденция увеличения надежд на «лучшее завтра». Пережив некоторый спад в период обострившегося хронического дефицита госбюджета первых трех месяцев 1998 г., эта тенденция после назначения и утверждения нового правительства (с апреля по июнь 1998 г.) опять-таки позитивно проявила, пусть и небольшое, возрастание.

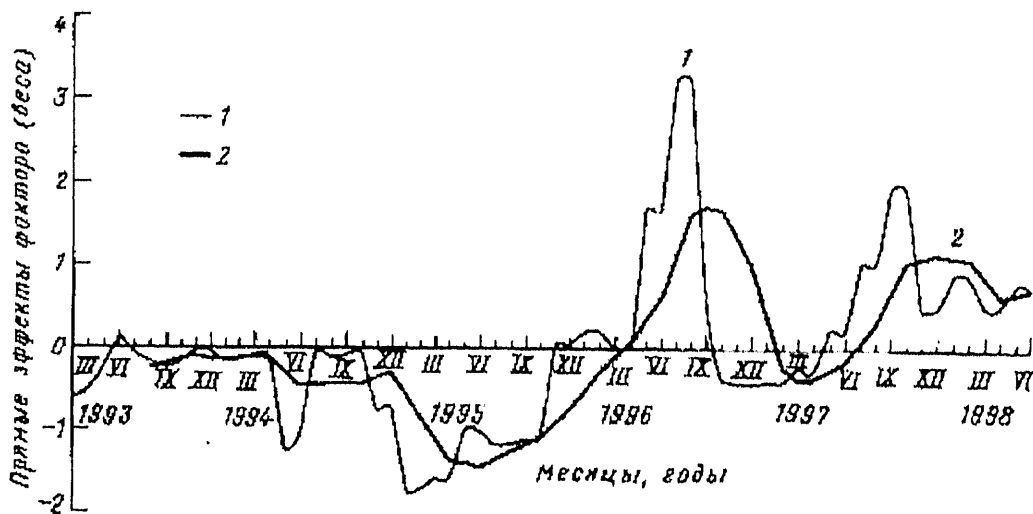

Рис. 1. Поведение фактора «национальной веры в «лучшее завтра»:
1 - реальные данные; 2 - тренд (6-месячная скользящая средняя)

В краткосрочные периоды своего подъема вера в «лучшее завтра» положительно влияла на экономический и политический оптимизм населения, способствовала расширению социальной базы поддержки реформ, повышала оценки населением текущей ситуации в стране (табл. 1). В моменты же истощения надежд сам факт уменьшения числа людей, верящих в «лучшее завтра», вел к усилению социального пессимизма относительно народнохозяйственной и политической будущности, к

парастанию требований прекратить данный вариант реформ, к отрицательным оценкам экономического положения страны.

Зависела ли вера россиян в «лучшее завтра» при Ельцине от показателей текущего материального положения их семей и/или недавних (до полугода) положительных либо отрицательных изменений этого положения? Оказывается, не зависела. Мало того, эта вера, как долговременный фактор, не обуславливала: ни оценок населением материального положения их семей, ни стремления людей делать крупные покупки, ни массовых суждений о благоприятности экономических обстоятельств для личных сбережений, ни каких-то других потребительских ожиданий и настроений народа относительно рынка товаров и услуг. Иначе говоря, данный фактор, увы, не являлся в «ельцинской» России ни доминантой, ни индикатором условий и естества собственно рыночной эволюции. Этот фактор с успехом мог присутствовать, да и, очевидно, имел проявление на всех других исторических этапах развития страны в XX в.

Второй по значимости «скрытый» фактор характера и темпов российских перемен – влияние политической оппозиции на официальный курс – обуславливал более 17 % ежемесячной колеблемости отраженных общественным мнением ключевых параметров этого развития. Бытует мнение, что при Ельцине практически отсутствовало влияние оппозиции (демократической и коммунистической) на «твердый» курс президента, на работу правительства и органов исполнительной власти. Однако это не совсем так. Всевозможное лобби оппозиции, ее парламентская деятельность играли существенную роль в метаморфозах официального курса развития. Косвенное воздействие на процессы назначения и снятия тех или других высших чиновников, утверждение госбюджета, актуализация массовых акций протеста и многое другое постоянно имело место быть.

В период с марта 1993 г. по ноябрь 1994 г. влияние оппозиции характеризовалось незначительной тенденцией ослабления (см. табл. 2). Но уже с декабря 1994 г. по июнь 1995 г. обозначило себя некоторое усиление оппозиционного воздействия на логику «ельцинского» курса развития России. Политическое влияние оппозиции, несколько снизившись к декабрю 1995 г., вновь обнаружило свой рост, причем в геометрической прогрессии в период предвыборной кампании 1996 г. С июня 1996 г., т.е. еще тогда, когда персональные результаты выборов президента были не очевидны, влияние оппозиции на официальную линию социально-экономического развития начало резко падать. Это падение продолжалось почти полтора года – до октября 1997 г., после чего началось существенное возрастание стратегического влияния политически оппонирующих сил, продолжавшееся до 1999 г. Однако сила этого влияния в конце «ельцинского» периода было слабее, чем, например, в 1993 г.

Периодический рост воздействия оппозиции на официальную линию развития России приводил (см. табл. 1): во-первых, к усилению массового доверия к общественной и парламентской деятельности, прежде всего, Явлинского и его «Яблока», а также – хотя чуть меньше – Зюганова и коммунистов. То есть политико-экономические и кадровые предложения оппозиционного «Яблока», нежели «новых» коммунистов, чаще учитывались исполнительной властью и находили больший отклик у населения. Во-вторых, – к увеличению приверженности народа государственному курсу Ельцина, поскольку тот якобы учитывал позиции политически оппонирующих сторон; В-третьих, – к снижению внимания части населения стилю хозяйственного руководства московского мэра Лужкова (это было объяснимо тем, что образовавшиеся время от времени «пустоты» влияния московских образцов реформаторских программ на экономическое и социальное развитие страны естественным образом заполняли управ-

ленческие предложения оппозиции). В-четвертых, — к уменьшению возможности повсеместных массовых протестов против роста цен и падения уровня жизни.

В периоды же ослабления влияния оппозиции на официальный курс российских перемен падало доверие среди значительной части населения к деятельности и Явлинского, и Зюганова, а также к государственному курсу Ельцина; причем усиливался потенциал массовых экономических выступлений населения; однако при этом же контрастно росли симпатии к стилю хозяйственного руководства столичного градоначальника Лужкова.

Таблица 2. Поведение факторов российских перемен в динамике 1990-х гг.

Кварталы, годы	Факторы (средние значения по кварталам)				
	Вера в «лучшее завтра»	Влияние оппозиции	Иммунитет населения к экономическим катаклизмам	Роль потребителя	Потребность в авторитаризме
III-1993	-0,64	0,28	-0,62	1,22	-0,36
VI	0,09	-0,19	-0,32	2,33	0,22
IX	-0,25	-0,09	-0,25	2,04	0,04
XII	-0,04	-0,11	0,08	1,71	0,01
III-1994	-0,08	0,10	-0,15	1,05	-0,30
VI	-1,02	-0,15	1,27	-0,90	0,35
IX	-0,08	-0,26	1,02	0,30	0,34
XII	-0,74	-0,03	1,08	-0,27	0,23
III-1995	-1,57	0,38	-0,22	-0,79	0,14
VI	-0,99	0,08	0,59	-0,80	-0,12
XI	0,03	-0,00	0,48	-0,47	-0,04
XII	0,03	0,00	0,48	-0,47	-0,04
III-1996	0,01	2,25	-0,13	-0,58	-1,37
VI	1,66	2,39	0,39	0,03	-0,31
IX	0,56	-0,42	1,46	-0,76	2,22
XII	-0,42	0,20	-1,49	-0,49	1,74
III-1997	-0,23	-0,52	-2,58	-0,16	0,48
VI	0,21	-1,53	-0,94	-0,41	0,03
IX	1,91	-2,15	0,93	-0,36	-1,51
XII	0,49	-1,02	0,46	-0,25	-0,75
III-1998	0,50	-0,24	-0,96	-0,46	-0,99
VI	0,76	0,13	-2,13	-1,05	-0,13

Третий фактор эволюции страны при Ельцине — иммунитет населения к экономическим катаклизмам — объяснял 12 % ежемесячной колеблемости воспринимаемых массовым сознанием основных российских перемен. Укрепление социального иммунитета обуславливало (см. табл. 1): превышение в обществе индивидуальных позиций «жить можно» и «можно терпеть» над позицией «терпеть нельзя»; сближение самой возможности массовых протестов на местах против роста цен и падения уровня жизни; уменьшение доли граждан, вынужденно принимающих решение лично участвовать в акциях протеста; улучшение повседневного настроения людей.

Периоды же ослабления «защитных функций» общества вели к обратному: снижению «запаса прочности» граждан, росту потенциала и массовой базы протеста, увеличению настроений раздражения и страхов среди людей.

До октября 1994 г. общество характеризовалось укреплением иммунитета к экономическим катаклизмам, сопровождавшим властные реформы страны (см. табл. 2). С ноября 1994 г. по август 1995 г. эта «защитная функция» социального организма начала ослабевать. Несколько стабилизировав свое внутреннее состояние в период сентября 1995 г. – июля 1996 г., «иммунная система» нации в конце лета – осенью 1996 г. проявила симптомы оздоровления. Однако с ноября 1996 г., так и не дождавшись результатов экономических ожиданий в связи с окончившимися – беспрецедентными по обещаниям – президентскими выборами, общество надрывно начало терять «защитную функцию» от снижения среднего уровня жизни и других народнохозяйственных коллапсов. Конец марта 1997 г. явился критической точкой падения экономического иммунитета населения. Вполне очевидно, что в тот момент проявило себя, хотя и не реализовалось, ключевое социальное условие возможной смены официального курса развития страны.

С апреля по декабрь 1997 г. «защитная функция» общества в обстоятельствах летних отпусков, «маленьких радостей» от дачных участков и огородничества, осенних заготовок овощей, фруктов и дикоросов опять-таки регенерировалась. Натурализация потребляемой части семейного бюджета стала отличительной чертой стремления россиян выжить. Но уже 1998 г. – год, сегодня уже очевидно инспирированного дефолта, был ознаменован очередным крутым падением иммунитета населения к социально-экономическим катаклизмам. С лета 1998 г. «дистрофичное» и все ухудшающееся состояние этого иммунитета уже было близко к критической точке. Таким, характеризуемым явным скольжением к черте полного и неремедируемого разрушения, оно и оставалась вплоть до момента досрочной отставки первого президента России в декабре 1999 г.

Следующий, четвертый по значимости, объективный фактор экономических и социальных перемен – народнохозяйственная и социально-реформаторская роль потребителя – собственно-то и является рыночной компонентой и рыночным индикатором эволюции России. Но, увы, данный фактор в динамике 1990-х гг. объяснял, что чуть меньше 10 % ежемесячных колебаний, происходящих в реальности и, стало быть, осознаваемых обществом перемен. Чем лучше были политико-правовые условия для реализации народнохозяйственной роли потребителя, и чем сильнее эта роль проявлялась, тем больше была доля приверженцев продолжения реформ; лучше оценивалось населением материальное положение их семей; выше являлся индекс потребительских настроений россиян (см. табл. 1). Иначе говоря, в массовом сознании оказывались очевидными рост материального благополучия семей за каждые прошедшие полгода, необходимость делать крупные покупки для дома, появление стимулов и мотивов для личных финансовых сбережений, кратко- и среднесрочные перспективы улучшения экономической ситуации в стране.

Снижение народнохозяйственной роли потребителя, в свою очередь, сразу вело к сужению социальной базы реформ, к ухудшению материального положения семей, к нежеланию (и зачастую попросту невозможности) людей планировать и делать крупные покупки, к исчезновению у всё большей части населения стимулов и мотивов для ссудосберегательных операций.

До сентября 1993 г. имел место рост народнохозяйственной роли потребителя (см. табл. 2). С октября 1993 г. наблюдалось снижение этой роли. После февраля

1994 г. происходило её крутое падение, продолжавшееся (с некоторым торможением в августе 1994 г. – феврале 1995 г.) почти полтора года, – до июня 1995 г. С конца июня 1995 г. по август 1996 г. обозначила себя весьма незначительная тенденция усиления роли массового потребителя в экономическом развитии страны. Между тем с сентября 1996 г. до лета 1998 г. роль потребителя проявлялась вяло, мало того, снижалась. Фактически стратегической значимости этой роли власть не придавала внимания. К моменту дефолта (август 1998 г.) и в последующие полтора года народнохозяйственная роль потребителя, а по сути простого человека, повседневно заинтересованного в товарных продуктах и услугах, находилась на самом низком уровне за все годы руководства Ельциным страной.

Фактор, замыкающий детерминированное пространство перемен в «ельцинской» России, – потребность в авторитарном руководстве. Такая потребность обуславливала лишь около 7 % ежемесячных колебаний воспринимаемых народом реформ. Соответственно с этим Россия отнюдь не предстает хронически слабым социумом, только-то и жаждущим «твердой руки».

Воочию общественная необходимость в авторитарном стиле руководства проявляла себя лишь дважды (см. табл. 2). Впервые, причем не очень сильно, в мае 1994 г. – июле 1995 г. высшая точка приходилась на октябрь 1994 г. В этот период властная реализация национальной потребности в авторитарных методах определяла (см. табл. 1): рост доверия государственному курсу Ельцина, в некоторых аспектах становившегося более «жестким»; массовые симпатии парламентской позиции и политическим заявлениям Зюганова, помимо многого, вынуждавшего исполнительную власть объявить войну «финансовым пирамидам»; проявление экономического оптимизма населения; улучшение повседневного настроения людей.

Второй раз потребность в авторитарном руководстве экономикой наблюдалась (причем в наиболее сильной форме) в июле 1996 г. – июле 1997 г. Апогеем явился декабрь 1996 г. Тогда фоном такой потребности был «отход» от государственных дел заболевшего первого лица страны и «пробуксовка» ранее им заявленных властных мероприятий новой экономической парадигмы развития страны. Достаточно сильное проявление фактора в течение года обуславливало (см. табл. 1): всплеск симпатий к политической деятельности и стилю руководства Лебедева; экономический оптимизм населения; рост доверия парламентским заявлениям и политической деятельности Зюганова; при таких обстоятельствах – уменьшение в обществе доли негативных самооценок людьми своих повседневных настроений, типа «испытываю раздражение» и «испытываю страх».

С августа 1997 г. по февраль 1998 г. произошло падение (ниже среднего уровня за все 1990-е годы) потребности общества в авторитарном руководстве именно хозяйственными процессами. Наметившаяся с марта 1998 г. тенденция роста этой потребности, по сути дела, до конца президентства Ельцина была крайне незначительна.

Каковы были альтернативы эволюции страны в пространстве объективного действия факторов перемен? С этой целью обратимся к одному из специально разработанных для подобных аналитических задач методов «размытой» классификации. Применение его к прямым эффектам рассмотренных выше пяти динамических факторов позволило обнаружить три альтернативы в социально-экономической эволюции «ельцинской» России и две ситуации политического выбора, когда эти альтернативы реализовывались властвующим субъектом.

Первая альтернатива – монетаристский путь развития – реально проявляла себя только по март 1994 г. Условно определим это время периодом сильного влияния в

правительстве и администрации Президента РФ идей макроуправления и политико-экономического кредо Гайдара. Ключевым фактором, определявшим динамику развития в рамках монетаристского пути, была достаточно высокая народнохозяйственная роль потребителя (см. табл. 3).

Во второй половине марта 1994 г. на фоне резкого ослабления в стране роли потребителя и усредненного воздействия на общество четырех других факторов развития обнаруживалась себя альтернативная ситуация. Властвующей тогда элите представлялась возможность сделать выбор между по-прежнему монетаристским путем эволюции и путем авторитарного вмешательства государства в экономику.

Таблица 3. Альтернативы социально-экономической эволюции России в 1990-е гг.

Альтернативные пути	Средние значения факторов				
	I	II	III	IV	V
Монетаристский путь: естественно-рыночная эволюция	-0,19	-0,82	-0,06	1,84	-0,9
Путь авторитарного вмешательства государства в экономику	-0,82	0,01	0,63	-0,49	0,16
Кризисный путь развития	-0,47	-0,76	-0,91	-0,48	-0,13

Осознанный выбор был сделан в пользу второй альтернативы. На должности заместителей Председателя Правительства РФ, руководителей и первых заместителей руководителей федеральных министерств и ведомств пришли лица, далекие и лично от Гайдара, и идейно от платформы «гайдаровского монетаризма», в значительной части – представители «бывшей» партийно-советской элиты с еще «доперестроечным» стажем. Авторитарное вмешательство государства в экономику на протяжении более полутора лет характеризовалось усилением проявления следующих факторов (см. табл. 2): иммунитета народа к экономическим катаклизмам; потребности значительной части населения в авторитарном руководстве; влияния политической оппозиции на официальный курс развития страны.

Имели место игры с «валютным коридором», «черный вторник», пресловутая «особость» отношения федерального Центра к регионам-донорам валютных поступлений и дотируемым субъектам РФ, искусственное сужение наличной денежной массы. Культивирование большевистской практики взаимозачетов и бартера образца 1927/28 и 1928/29 операционных годов. Норма отсутствия правительственной ответственности за систематическую (фактически централизованно планируемую) невыплату государством зарплат, пенсий, пособий, стипендий. Постоянная смена политико-правовых норм и условий для субъектов хозяйствования. Создание абсурдного механизма налогообложения производителей. Отстаивание расточительных фискальных интересов. Всё это и многое другое – отличительные черты авторитарного вмешательства в экономику, продолжавшегося с апреля 1994 г. по январь 1996 г.

К 1996 г. вновь назревала альтернативная ситуация: либо продолжать «волевым», причем несистематическое вторжение государства в социально-экономические процессы, по принципу «латания дыр», либо, опираясь на растущую в преддверии выборов президента национальную веру в «лучшее завтра», проводить целостную правительственную программу оздоровления всего народнохозяйственного ком-

плекса. Разница двух возможных тогда альтернатив заключалась в степени и обоснованности государственного регулирующего начала в экономике.

Окончательный выбор властвующей элиты, склоняющейся ко второй альтернативе, задерживался ожиданиями вначале результатов выборов, затем формирования нового состава правительства. В условиях болезни вновь избранного президента, замалчивавшегося исчерпания бюджетных и стратегических валютных средств, а также «замаячившей» близости экономической катастрофы, к ноябрю 1996 г. выбор был наконец-то сделан в пользу второй альтернативы. Однако с последней уже произошли серьезные метаморфозы, да и условия для ее реализации изменились (см. рис. 1 и табл. 2): стали падать надежды народа на реальное «лучшее завтра»; быстро ослабевал иммунитет населения к новым экономическим катаклизмам; в условиях безденежья — и именно в масштабе всей страны, а не только «здравствующей» столицы — снижалась и без того низкая народнохозяйственная роль потребителя, т.е. нарушался основополагающий принцип рыночной экономики.

Альтернатива проведения целостной правительственной программы оздоровления всего народнохозяйственного комплекса выродилась в свою противоположность. Постоянно декларируя такого рода «оздоровление», руководство страны, по сути, осознанно реализовывало кризисный путь развития, а именно: политически эксплуатировало ожидания населения «экономического чуда» при отсутствии правительственной программы оздоровления хозяйственной ситуации. Ни один из факторов экономических и социальных перемен, за исключением, разве что, всемерно эксплуатируемой национальной веры в «лучшее завтра», так и не смог быть задействован политической элитой с ноября 1996 г. до конца президентства Ельцина (см. табл. 3).

Формально властвующая тогда номенклатура твердила о трудностях реформ (реформ, на деле, весьма умозрительных). В реальности же не работали и, кстати, подчас централизованно подрывались фундаментальные основы рыночного развития. В результате спрос потребителя в товарах и услугах, по существу, не определял расширения товарного предложения отечественных производителей, нарушалось естество ценообразования, спрос на приложение труда (на занятость) не рождал предложения рабочих мест, у всё более значительной части населения исчезали мотивы и стимулы, а зачастую и сама возможность финансовых сбережений.

К началу XXI в. важно было наиболее сильное задействование правительством и законодателем фактора народнохозяйственной роли потребителя, при Ельцине крайне слабо учитываемого на макроуровне принимаемых решений (см. табл. 2). Тогда это означало выработку комплекса мероприятий для создания условий роста благосостояния россиян, «наладку» гарантированного механизма своевременной и повсеместной выплаты заработной платы, стимулирования отечественных производителей, расширения рабочих мест и т.д. Иного было не дано, ибо снижавшийся иммунитет населения к новым экономическим катаклизмам стал быстро приближаться с лета 1998 г. к точке социального взрыва (см. табл. 2). И только в русле такого рода мероприятий возможны были дальнейшие утверждения на международном уровне о рыночной эволюции России.

Если же задействование объективных факторов перемен происходило бы и дальше (вплоть до президентских выборов лета 2000 г.) так, как это продолжалось с ноября 1996 г. (см. табл. 3), то страна в начале XXI в. однозначно находилась бы «на рельсах» кризисного пути развития. В результате проявляли бы себя все условия для того, чтобы общество вынужденно высказало доверие предвыборным программам и управленческому потенциалу иной — «неельцинской» — части отечест-

венной элиты, которая очевидным образом проявляла бы совсем иную интеллектуальную глубину. Не дожидаясь этой катастрофы, Российской Федерации были «подарены» незнакомый ей доселе феномен «преемничества» и досрочное прекращение президентских полномочий Ельцина.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информ. бюлл. М., 1991-1999.

² Значения факторных нагрузок находятся в интервале $[0; 1]$. Чем выше значение по модулю, тем сильнее воздействие фактора на зависимый показатель. Если связь фактора и показателя прямая (т.е. когда при вкладе фактора стоит знак «+»), связь интерпретируется так: возрастание проявления фактора в конкретный момент времени ведет к росту зависимого показателя. Если же связь фактора и показателя обратная, т.е. когда при вкладе фактора стоит знак «-», связь интерпретируется следующим образом: возрастание проявления фактора в конкретный момент времени ведет к снижению (отрицательному проявлению) зависимого показателя.

³ Помера и названия факторов: I – традиции национальной веры в «лучшее завтра»; II – влияние политической оппозиции на официальный курс экономического и социального развития; III – иммунитет населения к экономическим катаклизмам; IV – народнохозяйственная и социально-реформаторская роль потребителя; V – потребность в авторитарном руководстве экономикой страны.

THE WAYS AND THE IMPOSSIBILITIES OF RUSSIA IN THE TIME OF B. ELTSIN

S.F. GREBENICHENKO

Department of Russian History
Peoples' Friendship University of Russia
10-1, Miklukho-Maklay Str., Moscow, 117198 Russia

This article is devoted to the analysis of the polls about economic and social changes in Yeltsin' Russia. By a combination of methods of a historical science and mathematical statistics objective factors and alternatives of ambiguous development of Russia in 1990th come to light and prove.